

Гарнизон капитана Грекова

Жизнь Василия Гроссмана вместила столько всего, что могла бы и, возможно, когда-нибудь станет романом о судьбе русского писателя, родившегося в начале века, чтобы увидеть, рассказать о своем времени жестокую правду, сравнимую с одной из последних его фраз: «Меня удушили в подворотне».

По наущению Горького, прочитавшего рассказ «В городе Бердичиве», он бросает профессию химика, покидает Донбасс и вступает в литературу. Пишет о людях революции и людях труда, принимая их правду, разделяя их веру. С началом войны — фронтовой корреспондент «Красной звезды». В 1942 году — большая повесть «Народ бессмертен». До и после повести очерки с передовой, поражающие достоверностью, психологической точностью. Он мог часами лежать в снайперском гнезде, чтобы рассказать о притаившемся рядом солдате, солдатском видении поля боя — очерк «Глазами Чехова».

В 1952 году роман «За правое дело» — продолжение, развитие, утверждение идей, десятью годами раньше побудивших написать «Народ бессмертен». Однако повесть удостоилась официального одобрения, роман подвергся разгрому, поразительному даже для тех времен. Когда А. Твардовский, напечатавший роман в «Новом мире», пытался на совещании в Союзе писателей защищать детисце Гроссмана, его обрывали глумливыми репликами.

Эта вистопляска помогла В. Гроссману многое увидеть в истинном свете. Продолжить повествование уже в ином ключе.

Еще восемь лет неотступной работы, и роман «Жизнь и судьба» на столе у Твардовского. Тот видит масштаб и значение рукописи. Соглашается со многим, однако не со всем. Его озадачивает открытая Гроссманом параллельность двух систем, словно в зеркале, увидевших себя на волжском откосе — сталинской и гитлеровской. Но не это остановило Твардовского — публикация романа исключалась по цензурным обстоятельствам, сама легализация его грозила расправой над автором. Мудрый и наивный Гроссман не в состоянии понять редактора Твардовского и несет второй экземпляр в «Знамя» — журнал, отдававший предпочтение военной тематике. Там, ознакомившись с рукописью, быстро сообщили на площадь Дзержинского. Чекисты доблестно провели операцию, — в один день и час изъяли крамольные рукописи в редакциях «Знамени», «Нового мира», у автора. Но все же Гроссман успел надежно спрятать еще два экземпляра. Один с великими сложностями, с помощью А. Сахарова уже после смерти Гроссмана (1964) будет микрофильмован и переправлен за границу. Роман увидит свет в Швейцарии в 1980 году, а спустя восемь лет — на родине. Это станет событием в литературе — не только отечественной и не только посвященной войне. Да и не только литературным событием. Многим откроется сокровенный смысл войны, собственных судеб. Смысл истории, сыгравшей зловещую шутку с народом.

Невозможно, нелепо вести разговор о таком романе в пределах скромной газетной площади, предназначенной для рубрики «Четыре плюс пятьдесят». Коснусь лишь эпизода, промелькнувшего в сталинградской панораме Гроссмана.

В городе велась и очаговая война, то есть война за отдельный квартал, здание, этаж. Дом «шесть дробь один», блокированный противником, защищает горстка солдат капитана Грекова. Они отстаивают нечто большее, чем каменную коробку с окнами, превращенными в бойницы. Грекову известно: в случае успеха и в случае неуспеха его участь преддана. Он прямо бросает: хочу свободы. Для себя, для людей, для страны. Но советское командование о подобных целях не помышляет. Сталину нужна победа, дабы осуществлять геноцид [именно в эти дни он полностью оценил гитлеровскую расовую политику]. Ему, его генералитету, номенклатуре нужно, по словам Грекова, восстановить «всеобщую принудилровку».

Но в послевоенное время Греков не заглядывает. Он, можно сказать полупуто, осуществляет военную реформу в масштабах своего гарнизона, предпочитая дисциплину, основанную на уважении к командиру. Если, уважая, величают его Ваней, пренебрегая званием, обращаются на «ты», беды нет. Гарнизон живет общей жизнью, и Греков подставляет голову не реже остальных, не позволяет себе малейших привилегий и поблажек.

Капитан поступал вразрез с тенденциями, возобладавшими именно в сталинградские дни, — ужесточалась субординация, спешно восстанавливалась воинская форма дореволюционной армии. Для рядовых, как некогда для нижних чинов, гимнастерки без нагрудного кармана. Чтобы помнили свое место.

Дисциплина насаждалась драконовскими методами. После знаменитого сталинского приказа № 00227 (два нуля — совершенно секретно) формировалась система заградительных отрядов, безоглядно открывавших огонь по своим частям, по заплутавшимся бойцам.

Изготовление новой формы, переобмундирование в разгар сражений, когда не хватало самого необходимого — от шинелей до снарядов, — верный признак растущего самоуправления, пренебрежения к людям. Сталин стремился еще больше упрочить собственную власть, превратить армию в покорное орудие своей политики. [Части Красной Армии вскоре начнут исполнять и при отселении «преступных народов»]. Имперский дух должен был пронизывать войска, страх перед заградотрядами поднимать боеспособность.

Армейские язвы, вскрывшиеся в последнее время, имеют давнее происхождение.

Греков понимал катастрофичность ситуации и не витал в облаках. Но понимал также, что политика «закручивания гаек» грозит сорвать резьбу, не сулит ничего хорошего и, набирая инерцию, обернется новым насилием в послевоенные годы. Против этого он и восстал, на примере дома «шесть дробь один» доказывая, что можно воевать и по-другому, что боязнь начальского окрика, тумака, затрещины унижает солдата, офицера, лишает их чувства достоинства — человеческого, воинского. Ничего хорошего из этого не воследует. Он не видит нужды и писать отчеты, превращающие командира в канцеляриста.

Альтернативный вариант, предложенный капитаном Грековым, не в коей мере не универсален. Но в нем есть нечто донельзя существенное. И в те дни. И в наши.

Бойцы его гарнизона чувствуют себя людьми. Они не нуждаются в унылых проповедях и вечном запугивании. Они не желают жить с оглядкой, рассуждать по предписанному и являть смирение перед любым, носящим «шпальсы». Свои последние дни хотят прожить свободными людьми, а коли суждено умереть, умереть свободными.

У грековского варианта нет шансов на признание, у его гарнизона — на спасение. Сознывая это, Греков отсылает из «своего» осажденного дома Сережу Шапошникову и радистку Катю Венгерову. Он сам «положил глаз» на Катю, но едва почувствовал: перед ним молодая любовь, вспыхнувшая среди дымящихся развалин, солдатского мата и вшей, — отступил.

Таков один эпизод эпопеи, охватывающей «жизнь и судьбу» десятков людей, в конце концов, «жизнь и судьбу» страны с ее мучительной историей, трагической войной, непредсказуемым будущим. Один эпизод. Но и он вправе претендовать на наше внимание, нашу память, нашу способность из разрозненных звеньев составлять цепь.

Осуществить вольнолюбивый идеал, который связывается с именем капитана Грекова, мы бы знать не знали многих бед и позорных недугов, избежали бы напрасных утрат.

Не надо самоуверительно дурачить себя, полагая, будто иначе, чем произошло, произойти не могло. И не стоит искать себе оправдания.

К слову заметить, капитан Греков видел в Гитлере своего врага, но не усматривал в сталинских предначертаниях перст судьбы, сохранял свободу воли и мысли.